

Литературная студия «Персона» была образована в 1992 году при Смоленском государственном педагогическом институте. За время своего существования (почти три десятилетия для студийного формата – своеобразный рекорд) «Персона» превратилась из литературного сообщества в масштабную культурную и издательскую площадку, действующую на уровне региона и стремящуюся к преодолению его рамок.

Руководителям студии – профессорам, докторам филологических наук Ларисе Павловой и Ирине Романовой, – к которым постепенно присоединялись повзрослевшие участники, удалось создать литературную среду, в чем-то родственную семинарам Литературного института и форумам молодых писателей. Разговор о текстах участников здесь ведется на высоком филологическом уровне, утверждения доказательны, тон разговора доброжелательный, порой ироничный. Персоновцы проводят поэтические семинары на культурных площадках региона, устраивают лекции и творческие вечера смоленских и столичных поэтов. Три года назад была основана «Персональная серия», в которой на сегодняшний день издано 11 авторских поэтических сборников, некоторые из них были отмечены русскоязычным литературным сообществом. Студийцы активно публикуются в толстых литературных журналах, в электронных изданиях, участвуют в писательских семинарах и фестивалях, становятся членами писательских союзов, входят в состав жюри всероссийских литературных конкурсов. Словом, можно подводить некоторые итоги и пытаться осмыслить, что такое «Персона».

В 2017 году к двадцатипятилетию студии участники разных лет написали небольшие эссе – воспоминания о своей «Персоне». В них авторы говорят о литературе, о неизбежных разногласиях с официальной литературной средой региона, о Смоленске, друг о друге, о смешном и трагическом, о том, что должно быть сохранено не только как частное впечатление. Мы публикуем воспоминания персоновцев «первого поколения», которые создавали «Персону» в девяностые годы и которые теперь, возможно, не узнают ее, всё такую же молодую и по-новому смелую.

Александр Асадчий сегодня известен на Смоленщине и за ее пределами как редактор, журналист и блогер. Елена Агинская – детская писательница, однако на студийных обсуждениях она неизменно читает «взрослые» стихи и переводы. Воспоминания Сергея Ипатова рассказывают не только о «Персоне», но и о его тете, поэтессе Раисе Ипатовой. Ирина Пенюкова давно покинула Смоленскую область, но ее стихотворение в одном из первых альманахов «Персоны» отчего-то запоминают всё новые и новые поколения студийцев. Ольга Смагина живет в Италии, но является неизменным редактором персоновских альманахов и автором переводов стихотворений студийцев на язык Данте. Наталья Андреева – редактор корпоративного СМИ одного из смоленских предприятий и автор многочисленных воспоминаний о студии, здесь приведено лишь одно из них.

Смеем надеяться, что эти свидетельства становления литературной ситуации на Смоленщине в 90-е годы будут интересны жителям области, филологам, историкам литературы и всем, чье внимание привлекает феномен поэтической студии.

АЛЕКСАНДР АСАДЧИЙ

Как начиналась «Персона»?

Студентка-старшекурсница Ирина Кичева [Романова – А.Т.] и кандидат филологических наук Лариса Павлова после занятий пригласили напуганного студента-первокурсника Александра Асадчего в гости. «Будем смотреть новый фильм “Молчание ягнят”», – пообещала кандидат филологических наук Лариса Викторовна.

Ученый Павлова и ее эрудированная подруга Кичева много говорили. Расспрашивали, так и сяк старались растормошить первокурсника. Но так и не сумели. Ира сварила картошки и попробовала накормить, день заканчивался. От вареной картошки студент Асадчий отказался, а фильм посмотрел.

Первая встреча прошла немногословно. Так началась наша общая филологическая история.

«С молчания ягнят».

Как «Персона» едва не стала «Урной памяти»

Вскоре актив «Персоны» сформировался. Лариса Павлова, Ира Кичева, Александр Асадчий, Елена Агинская, Оля Голота [Смагина – А.Т.], Наталья Ильина, Ярослав Шадронов, Дима Рogaцкин и Марина Котова, позже Рogaцкина.

О Диме упоминали заочно, со слов Ларисы он был вундеркиндом, писал прозу, стихи и даже лечил зубы. Часть новых «персон» покинула объединение «Логос», в том числе и Дима, но искала новое интеллектуальное и при этом одаренное художественным словом и не лишенное воображения общество для себя.

На повестке стоял вопрос, как назвать новое объединение. То, что собрались единомышленники и рождается что-то интересное и новое, сомнений уже не оставалось. А вот с «выменеммоим» вышла некоторая заминка.

Лена Агинская предложила назвать группу «Урна памяти», взяв за основу образ одного из своих стихотворений. Я предложил название Persona, от английского personality (личность, индивидуальность). Но сомнения у других участников встречи оставались.

Тогда под воздействием творчества Анатолия Мариенгофа, Бориса Виана и других сильнодействующих на неокрепший филологический организм авторов я предложил более частное название «Группа трансцендентного реализма» (ГТР). В моём дневнике в качестве обоснования написано буквально следующее: «ГТР, то есть реализм, но охватывающий всё (и мир идей, и обыденный мир etc.) и соединяющий этот опыт в художественном произведении».

В итоге здравый смысл победил. И новое объединение стало «Персоной», правда, без всякого английского уклона и заумности.

Из статьи «Искусство муз терпит?»

(О положении дел в областной поэзии, опубликовано в еженедельнике «Смоленские губернские ведомости» 28 января 1997 года)

«...Такой вот расклад. Одним из вариантов выхода из кризиса могла бы стать литературная группировка студентов филфака СГПИ, но произведения ее авторов не обнадеживают. К сожалению, в них ощутимо звучат все те же авангардные тенденции. По неволе возникает вопрос: неужели молодым нечего почерпнуть из литературной шахты, разработанной их земляками, поэтами литературного объединения «Лира»? Стихи Александра Асадчего, Андрея Баркалова и проч. становятся звеньями очередной модели уже знакомого замкнутого круга – сонма упадочных метафор и диссонансных рифм. Не к ним ли взывает смоленский классик Алексей Мишин в своем стихотворении «Сиротская зима»:

Не утренний ледок,
А чавканье воды...
Куда идешь теперь, Россия молодая?
Как тяжелы твои постылые следы?»

Мое резюме на эту рецензию сразу после прочтения было грубым: «Скачут небесные клячи». Я так и написал прямо на сборнике смоленских поэтов под названием «Небесные кони».

Сколько себя помню, мы, поэты «Персоны», поначалу довольно пренебрежительно относились к последователям смоленской поэтической школы, особенно поэтам с сельским уклоном. Все эти перелески, сидящие крыши и сереющие деревни наводили тоску уже на расстоянии. И даже попытки старшего поколения смоленских поэтов потечески или по-матерински наставить молодых авторов всегда наталкивались на иронию, а то и высокомерную поэтическую грубость.

Удивительно другое. Раиса Ипатова продолжала меня называть Сашенькой, даже когда мне исполнилось 40 лет. Я помню, мы записывали Раису Александровну для фильма о Вадиме Соломоновиче Баевском. Моего сверстника Олега Толстоуса она называла Олегом, оператора Дениса Артеменко, который много младше нас с Олегом, звала тоже по имени без уменьшительно-ласкательного. А меня упорно Сашенька.

Поначалу я думал, что это ответная ирония. Оттуда, из 90-х годов. Но когда через полгода узнал, что Раиса Ипатова умерла после неизлечимой болезни, с которой она боролась уже много лет, я подумал, что, наверное, дело вовсе не в иронии. Может быть, она чувствовала в нас, поэтах «Персоны», родственные души? Которые бунтовали, бурлили, но воспринимали мир также, как и сама Раиса Ипатова, замечательный поэт и сильный человек. И поэтому она в глубине души любила нас, литературных оболтусов, племянников Музы. Именно так я и назвал нашу литературно-хулиганскую группировку, которая решила дать бой литературным ретроgrадам и творческому застою в публичных поэтических выступлениях.

Градус эгоцентризма у первого поколения «Персоны» зашкаливал.

Я черно-белая копилка.
 Я созидания этапы.
 Я темное небытие.
 Допорядочный хаос я... аааА
 А-А-А-а-а!
 Я это мир!
 Мир без меня для меня ничто.

Но из этого яканья вырывались стихотворения, за которые никогда не бывает стыдно. Вот одно из них. Однажды мы выступали вместе с очень известным в то время смоленским поэтом Николаем Сухаревым. «Хотел бы я тоже написать такое стихотворение, Александр, – сказал он мне. – А вот остальные твои стихи – ерунда», – добавил он на правах старшего коллеги по творческому ремеслу. Вот это стихотворение.

А, между прочим, я ведь тоже
 Имею право быть похожим
 На человека,
 А не на голое двуногое зверье.
 И то, что Гамлетов на свете больше нет,
 То ложь!
 Пока висит планета,
 Они растут и падают с неё.

Конечно, были и скромные авторы. Но такие в «Персоне» составляли меньшинство. Все пытались встать вровень с миром сущим и сотворить что-нибудь вдгонку. На землю опускали строгие литературные рамки, за соблюдением которых не без юмора смотрели Лариса, Ира и поначалу посещавшая наши заседания Наташа Шаповалова. Вот кто мог порвать начинающего робкого поэта, как Тузик грелку. Спасали автора только наглость, эгоцентризм и убеждение «я так чувствую, я так вижу». Но довольно скоро критики доказали, что «я так вижу» несостоятельно, и только хмыкали, когда очередной поэт повторял «я так вижу», как мантру. Так постепенно в «Персоне» произошло разделение на поэтов и критиков. Позже к ним добавились прозаики и даже профессиональный философ Володя Шеров. Лично я, когда он начинал читать свои тексты, тоже начинала что-то читать про себя. «Боянбовеший, аки песнь начнет твориши...»

Понемногу студенты-филологи учились писать и становились авторами. Но оставалось чувство, что профессия писателя – это что-то недостаточное. Вот цитата из записок того времени. «Слишком профессиональный писатель уже и не писатель вовсе, а человек пишущий. Много и профессионально, что, конечно, неплохо, но уж точно и не хорошо».

Первый альманах «Персона» был практически составлен. Возник вопрос, как войти в большую литературу без собственного манифеста? После долгих обсуждений и непростых подходов ареопага «Персоны» собрался писать манифест на квартире у моло-

доженов Смагиных. Содержательную часть помню плохо, потому что написание манифеста сопровождалось распитием благородных напитков, разведенных прямо на кухне. Помню виноватый взгляд домашней собаки Смагиных Лайлы, которая в высоком интеллектуальном коллективе авторов и критиков постоянно конфузилась и портила воздух. За Лайлу приходилось извиняться Диме Смагину. В таких непростых условиях и даже творческих муках рождался первый литературный манифест «Персоны». Прочсть его можно в раритетном издании первого альманаха, которых осталось, я думаю, немного более десятка экземпляров, да и то на руках у самых первых «персон».

С Леной Агинской мы познакомились возле расписания. Я смотрел на столбцы с занятиями и почувствовал чей-то пристальный взгляд. На меня смотрела девушка в джинсовой куртке и короткой юбке. Девушка оказалась ниже меня на треть, но юбка была очень короткой. Пока я пытался связать девушку, короткую юбку и джинсовую куртку в целое, Лена пошла в атаку. Стремительное сближение персон напротив деканата оставил звонок.

Диссонанс внешности Елены Агинской и ее стихов провоцировал мгновенный катарсис. В одной из своих тетрадей я нашел листочек с чужим почерком, в котором очень точно неизвестный критик анализирует раннюю поэзию Агинской.

«Поэзия Елены Агинской во много импульсивна – ее стихотворения скорее спонтанны, нежели созданы усилиями разума. Кажется, что задушевная беседа плавно переходит в стихи и также, на одном дыхании, обрывается, а читатель по инерции мысленно продолжает повествование, добавляет что-то свое к уже сказанному или, точнее, недосказанному, содержащему лишь намек. Намек на нечто большее, чем то, что мы видим невооруженным взглядом».

Кто это написал? Может быть, однокурсница и тезка Елены, нелепо погибшая год спустя. Она несколько раз приходила на первые заседания «Персоны» и с большой симпатией отзывалась о поэзии Елены Агинской. А мне однажды подарила маленькую дыню. После чего я понял, чтобы молодому человеку спокойно учиться на филфаке, нужно обязательно жениться.

Олег Толстоус учился со мной на одном курсе и подрабатывал на телевидении. Так появилась идея сделать фильм об отдельных авторах «Персоны». Тогда же, кажется, мы решили развешивать на остановках общественного транспорта в Смоленске листочки со стихотворениями авторов «Персоны». Проект просуществовал недолго, потому что вскоре на настенную поэзию откликнулись коммунальные службы. В целом против стихов городские власти не возражали, но расклейку предложили прекратить.

После литературных выступлений в «Племянниках Музы» на литературных заседаниях «Персоны» появились новые личности. Это были мой новый друг, студент истфака Андрей Баркалов, студент иныза Эдик Кирсанов и его супруга Лера Кирсанова. Вместе с Димой Смагиным, который пришел в институт на год позже нас, они стали второй творческой волной «Персоны».

Позже на свет появился замечательный альманах «Ватерлоо», главным редактором которого стал Эдик Кирсанов, а безответственным редактором Вадим Талаев. Оба преждевременно ушли из жизни в самом расцвете творческих сил. Тогда мы были отчаянными максималистами. Вот цитата из «Путей скептицизма», опубликованных в «Ватерлоо». «Идеальный человек – это человек, равный человечеству».

Альманах сохранился в единичных экземплярах.

«Персона»: 25 лет вместе

Когда для одного издания меня попросили написать воспоминания об университетских годах, я назвала их «Пять лет счастья». Это счастье было бы совершенно неполным, если бы не было «Персоны». Почему? Да потому, что это было объединение единомышленников и друзей, которое освещало жизнь, делало ее интересной, давало ощущение того, что мы занимаемся важным делом, своим делом, потому что невозможно быть равнодушным, незаинтересованным филологом. Могу точно сказать, что мы жили литературой и творчеством, что-то читали без конца, писали: кто доклады, кто стихи, кто прозу, а кто и то, и другое, и третье. Я очень люблю те времена, потому что это была «живая жизнь». У нас не было денег, красивой одежды (сейчас я смотрю на старые фотографии, в том числе и выложенные в нашей группе в «Фейсбуке», и ужасаюсь – в чем мы ходили), но в значительной степени на это было наплевать. Зато были разговоры, встречи, дружба, родные лица, которые уже никогда не забудешь.

Я пришла на «Персону» в самом ее начале, так что наша совместная жизнь продолжается уже 25 лет. Кто бы мог подумать тогда, что мы так долго продержимся, и пусть не для всех, но для нас это объединение станет легендарным. Самая главная вещь в любом деле – это интерес и любовь к тому, чем ты занимаешься. Я не помню случая, чтобы не хотелось идти на студию: вечер пятницы, когда все люди идут в бар, мы идем на студию, хотя после студии часто случался бар или посиделки у кого-нибудь дома, чаще всего у нас или у Баркаловых. Еще один немаловажный фактор: на студии всегда было смешно, нигде больше я не встречала таких остроумных людей. Иногда случались смеховые истерики, когда хохотали в течение нескольких минут, не могли остановиться. Можно понять это, если почитать в шестом выпуске «Персоны» протоколы заседаний. Безусловная пальма первенства здесь принадлежит Саше Асадчому, который смешил нас и своими произведениями. Никогда не забуду: «Заяц лапу поднял вверх, чтобы мысль обозначить». Работая над этим небольшим мемуаром, я перечитала протоколы. И хохотала так же, как тогда. Хохотала и умилялась: какие чудесные, умные и талантливые люди, какая любовь друг к другу читается между строк. Конечно, бывало всякое: были жаркие творческие споры, но крупных ссор или злобы я не помню. Такие люди отваливались сразу, и оставался наш вечный костяк: Лариса Викторовна, Ирина Викторовна, Лена Агинская, Кирсановы, Дима Смагин, Сашка Асадчий, Баркаловы, позднее в него вошло прочно и верно новое поколение – Настя Трифонова, Антон Азаренков, Семен Пегов.

Сначала я существовала в «Персоне» как критик, писала статьи об объединении в целом и отдельных его представителях. Потом неожиданно и довольно поздно – лет в 25–26 – начала писать стихи. В стихах слились три мои большие страсти – к литературе, живописи и музыке. Потому что очень часто толчком к написанию текста служили именно впечатления от какой-нибудь картины, музыкального произведения или от личности художника, композитора. С творчеством были связаны такие моменты восторга, счастья, когда написал стихотворение и знаешь, что оно хорошее. Правда, это случалось нечасто, но я рада, что такие моменты были в моей жизни. Помню, как я скакала в пустом кабинете от радости, когда написала «Менуэт». Эти моменты можно сравнить только с теми, когда я получила открытку от М.Л. Гаспарова, поняла, как устроена книга Гумилева «Огненный столп».

Думаю, на то, что я начала писать стихи, повлияла студийная атмосфера. Атмосфера творчества, огромной любви к литературе, искренней заинтересованности в твоих стихах. Хотя, конечно, и ругали часто, но это было нужно, потому что критика была конструктивной. Очень интересно было наблюдать, как из ребенка, первака вырастает поэт. «Персона» учила филологической работе, учила понимать многих молодых ребят, которые пришли на студию, что неправильно думать, что стихотворение – это что-то спонтанное и должно существовать в том виде, в котором оно написалось.

В некотором смысле мы жили в идеальном мире, пока жизнь не вторглась в него разрушились пары, оборвались дружеские связи, дальше – страшнее: умер Эдик, один из самых интересных и талантливых людей, каких я когда-либо знала. Об Эдике нужно сказать особо. Я всегда старалась помогать ему. Сделала макет его первой книги и договорилась о ее печати. Собрала материалы для его посмертной книги, вела переписку с «Арионом» и Сергеем Бирюковым. Пишу об этом не чтобы выпятиться, а потому, что это моя большая гордость, что я смогла его немного поддержать при жизни и кое-что сделать для него после смерти. Когда я принесла часть тиража посмертной книги Эдика к ним домой, открыл папа. Я помню этот эпизод, как сейчас: он был в черном свитере, я поставила пакеты, и мы оба плакали. До последнего времени не проходило ни дня, чтобы я не вспоминала или не думала об Эдике. Один из самых ярких эпизодов последнего времени был в августе. Мы поехали во Францию. Неподалеку от Сан-Реми-де-Прованс находится психиатрическая больница, где лечился Ван Гог. Было жутко, потому что, когда мы проходили от ворот ко входу в музей, вдруг раздался такой звериный рык, но человеческий, и стало ясно: больница находится здесь и по сию пору. Единственное место, где, наверно, и они могли почувствовать моменты хотя бы временного успокоения, был сад: нависающие ветви каштанов над скамейками, кусты лаванды. Моя медитация на скамейке проходила под «и сидит и молчит улыбается рыжий дурак / и сидит и грустит и вздыхает и ждет сновидений» [цитата из стихотворения Эдуарда Кирсанова – А.Т.]

Уже пять лет я не живу в России, и одна из вещей, которой мне по-настоящему не хватает, – это мои друзья, наш круг, «Персона». Каждый раз, когда я приезжаю, стараюсь попасть на заседание, чтобы вспомнить, как это было, чтобы вновь почувствовать эту чудесную атмосферу. На заседаниях всё по-прежнему: читают стихи, обсуждают, по-прежнему все интересны друг другу, по-прежнему царит атмосфера любви, которую ты немедленно чувствуешь, как только заходишь в аудиторию, ты видишь эти улыбки, эти обращенные к тебе лица. И ты с теплотой, любовью и облегчением улыбаешься в ответ. Хорошо, что есть вещи, которые, как и первая любовь, не ржавеют.

СЕРГЕЙ ИПАТОВ

Жизнь до «Персоны»

Стихи стали стучаться в мою душу еще в школе. Но тогда это было нечто простое, рифмоплетство. Ближе к старшим классам начались влюбленности, породившие в основном прозу дневников, но и давшие импульс увлечению поэзией.

Первые курсы института, студенческая жизнь «энергетов», стихи для песен гаражных рок-групп, романтические посвящения дамам сердца, страдания от неразделенных чувств... Хотелось с кем-то поделиться своими произведениями. Шел 1990 год, никакой

литстудии тогда еще не было. И я стал показывать стихи своей тете, поэтессе Раисе Ипатовой. У нее часто гостили интересные творческие люди, всегда был настоящий кофе, на кухне можно было курить (!), и я всегда был уверен, что меня внимательно выслушают, справедливо похвалят или покритикуют (второго было, естественно, больше). Так продолжалось некоторое время, пока однажды Раиса Александровна не сказала мне: «Я начала вести литературную студию в пединституте, приходи и почитай свои стихи там».

1991 год, на студии в основном студенты литфака Елена Марченкова, Анастасия Захаренкова, а также Иосиф Хатилин, Сергей Изотов... Из энергоинститута только я. Раиса Александровна помогала нам научиться оставлять в наших стихах самое главное, безжалостно удаляя «шелуху». Лучшее публиковали в газете «Смена». Одно из моих стихотворений даже победило в конкурсе (я публиковался под псевдонимом «Сергей Николаев»).

Кроме собственно поэзии в это время я получил еще и ценный опыт издателя: целый год печатал на пишущей машинке самиздатовский журнал «Пять», в котором публиковал стихи и прозу участников литературной студии и своих новых друзей-подруг. К сожалению, все 12 номеров журнала «ушли в народ», у меня осталась только ксерокопия одного из них.

Через год студия прекратила свое существование. Самое важное, что произошло там, – это встречи с людьми, ее участниками, повлиявшие на всю мою дальнейшую жизнь. Окунувшись в мир литературы, творчества, я понял, что это мне гораздо интереснее и ближе, чем условное движение электронов в вакууме. Нет, я не бросил энергоинститут, но с той поры понял, что учусь не там и что в дальнейшем хочу найти себя скорее в гуманитарной сфере, чем в технической.

Общение с пишущими людьми сильно повлияло и на мое творчество. Я зафонтанировал как стихами, так и прозой. Естественно, всё это было замешано на чувствах – любви и ревности, предательстве, ненависти. Я довольно плотно вошел в тусовку литфака, обрстая новыми знакомствами и отношениями с противоположным полом. Много романтических вечеров было проведено в общежитии на улице Кирова. И вот однажды в моей бурной молодости началась новая глава под названием «Персона».

Моя скромная «Персона»

Свято место литературной студии в пединституте пропустовало недолго – уже в 1992 году не помню кто позвал меня в новый «кружок поэтов» – студию, возглавляемую молодой аспиранткой с литфака Ларисой Павловой. Здесь я увидел совсем новые для себя лица, в основном чуть помладше меня: Диму Смагина, Сашу Асадчего, Диму Рогацкина, Елену Агинскую, Андрея Романова, Наталью Дегтяреву, Андрея Баркалова, Эдика Кирсанова... «Занятия» в новой студии проходили долго, бурно, обсуждения сопровождались эмоциями... Студийный народ быстро объединился, и встречи продолжались за пределами института, в кафе и на квартирниках. Мои стихи и прозу не разносили в пух и прах, я чувствовал, что постепенно заслуживаю некий авторитет, хотя, конечно, мне далеко до настоящих литфаковцев. Много приходилось переделывать, и здесь я по-прежнему пользовался экспертной оценкой Раисы Ипатовой. Нарбатывался опыт работы со словом. Продолжилось и увлечение издательским делом: вместе с Димой Смагиным я готовил к печати первые поэтические сборники «Персоны». Кстати, название для студии придумали как раз, когда собирались печатать первый сборник.

В «Персоне» участвовали не только те, что пишут стихи или прозу, но и критики: Ирина Романова, Наталья Кузина, Ольга Смагина. Помню, Наталья Кузина вместе с Ириной Романовой написали критическую статью по моей прозе. По психоделической «Новогодней сказке»... То ли молодые критики были еще очень позитивно настроены, то ли правда что-то там я такое написал достойное, но замечания были в основном доброжелательными.

Особых высот я в поэзии и прозе не достиг. Публиковался в трех (или четырех?) сборниках «Персоны», издавал с Эдиком Кирсановым какой-то альтернативный сборник [«Ватерлоо» – А.Т.]. Моя творческая энергия перетекла в работу с детьми в школе (да-да, я всё-таки стал учителем).

Занимался я в «Персоне» довольно долго, до 2001 года, пока не нашел свою судьбу и не женился. Встретил я ее, правда, не в «Персоне». С тех пор количество написанных мной стихов резко пошло на убыль, показывать стало нечего, завидовать успехам других – тоже не моё...

Наверное, важное дело, которое я успел сделать, прежде чем перестать ходить на занятия студии, – это привести на нее Семёна Пегова. Семен учился в школе, где я работал. Я вел в его классе уроки и издавал школьную газету «Зёрна», в которой публиковал стихи учеников. Семён оказался мне жутко талантливым и чувствующим слово, и я понял, что его надо поддерживать, то есть привести в «Персону». Как показала жизнь, я в нем как в поэте не ошибся. А Раиса Ипатова, кстати, дала ему мощный импульс как журналисту и телерепортеру.

Есть ли жизнь после «Персоны»?

Постепенно из активного «персонала» я перешел в разряд «динозавры», меня стали «персонально» приглашать на юбилейные мероприятия, типа «10 лет студии», «15 лет», «20 лет»... Но на самом заседании я был последний раз, когда произошла трагедия с Эдиком.

Отношения с «персонами» у меня как сложились, так и остаются хорошими по сей день. В отличие от первой студии, они не были окрашены влюбленностью или ненавистью, скорее дружеской симпатией и деловым сотрудничеством. До сих пор иногда встречаю кого-то из первого состава «Персоны». Интересно, как сложилась у ребят жизнь. Мало кто пишет до сих пор. И только Лариса Павлова да Ирина Романова продолжают вести молодые таланты вперед к вершинам творчества, поэтического мастерства и человеческой зрелости. За что им от меня отдельное, «персональное» спасибо!

Декабрь 2016 года.

ИРИНА ПЕНИУКОВА

Всерьез и по-настоящему

В жизни каждого из людей наверняка можно припомнить ситуации, послужившие отправными точками для целого ряда последующих событий. Моя «неслучайная случайность» состоялась в Смоленской областной библиотеке, куда я, тогда ещё студентка

медицинского института, ходила за дополнительными знаниями. И где однажды (из любви-стыда заглянув на творческий вечер преподавателя, фамилии которого я сейчас уже не припомню) я узнала о существовании литературной студии при Смоленском педагогическом институте. Так началось мое знакомство с «Персоной», не только одарившей меня азами поэтики, но впервые заставившей задуматься над собственным творчеством. Ведь до того поэзия словно шла параллельно с моей жизнью, будучи незаметной и неотъемлемой её частью, такой же, как дыхание. Приучившись рифмовать уже в возрасте 2,5 лет, я не видела в написании стихов ничего особенного. Близкие также никогда не делали акцента на моих способностях, позволив расти самым обыкновенным ребенком. И как же это было правильно!

Тем не менее нужно отметить, что интерес к серьезной литературе, к русскому слову присутствовал у меня с раннего детства. Сложно сказать, когда и как это зарождалось. Уже в семилетнем возрасте благодаря бабушке я свободно читала тексты на церковнославянском языке, восторгаясь их потрясающей музыкальностью (это теперь я понимаю, что она достигалась путем применения изумительной внутренней рифмы), но ещё раньше этого были просто молитвы. И тонкие книжки Пушкина, Тютчева, Некрасова, Лермонтова, Фета из серии «Моя первая библиотека», и «Маленький принц» Экзюпери со старой пластинки, и сказки Андерсена и Уайльда...

Я никогда не развлекалась написанием стихов, для меня почему-то это всегда было всерьез и по-настоящему. Но именно «Персона» помогла мне переоценить саму себя, осознать свою литературную деятельность как призвание. Искренне благодарна всем, кто поддерживал во мне творческую уверенность в те годы! Это была настоящая среда единомышленников, в которой не «топили», а культивировали таланты! В которой всегда было чему поучиться как в творческом, так и в человеческом плане! Мне до сих пор памятливы эти творческие встречи, их чуткость и отзывчивость ко всему имеющему отношению к настоящей поэзии. И доброжелательная, но бескомпромиссная критика поэтического позерства и графоманства.

Жизнь сложилась так, что, вернувшись в Брянск, я надолго с головой окунулась в практическую медицину, и связь с «Персоной» и персонovцами была прервана. Тем не менее отсутствие чего-либо подобного «Персоне» в моем родном городе заставило меня уже осознанно искать «профессионального» поэтического общения, искать конструктивной критики, а не критиканства («положительного» или «отрицательного»). Что и послужило стимулом к моему дальнейшему поступлению в московский Литературный институт им. Горького. А это, в свою очередь, определило не только мою поэтическую, но и научную стезю. На сегодня я являюсь членом Союза писателей России, членом Союза журналистов России, автором нескольких десятков научных статей, двух поэтических сборников и (в соавторстве) одной монографии.

Вот такая цепочка событий произошла со мной после того, как сама жизнь «случайно» привела меня в литературное содружество при Смоленском педагогическом институте. За что я ей бесконечно благодарна!

О «Персоне» вообще и персоне Александра Асадчего

Мое первое знакомство с Александром Асадчим было заочным: я заканчивала школу, готовилась к поступлению на литфак и точно знала, что на факультете есть литературная студия, а на студии – яркие талантливые личности, среди которых – Александр Асадчий. Смутно припоминаю, что читала что-то о нем, а также собственно его в публицистических жанрах в молодежной газете «Смена». В голове рисовался образ поэта – умного, смелого, дерзкого. Образ этот еще и потому изначально был обречен стать романтическим, поскольку был овеян ореолом таинственности: ни одной фотографии Саши я не видела.

Случай увидеть легендарного поэта воочию представился, когда на факультетской доске объявлений я прочитала, что в Доме учителя собираются «Племянники Музы». В афише был заявлен Асадчий, и я, конечно, на мероприятие пришла. Выступавшие не производили на меня сильного впечатления, пока на сцену не вышел Эдуард Кирсанов. Здесь я увидела его впервые. Он отличался от собратьев по перу стилем одежды и прекрасными манерами. Он читал стихи, заглядывая в записи, сделанные на каталожных карточках. Эдуард был необычен во всем. Когда он закончил выступление и спустился в зал, я продолжала на него смотреть. Рядом с ним была девушка в романтическом платье, очень женственная. Не было никаких сомнений, что это его жена (с Лерой я познакомилась чуть позже).

В антракте второкурсница Ира спросила, понравился ли мне Саша. «Но он же еще не выступал?» – удивилась я в ответ. И узнала, что Саша Асадчий – не кто иной, как ведущий. Это было весьма неожиданно. Образ бунтаря, рожденный в моей голове, никак не вязался с внешностью того, кто объявлял коллег по перу. Во втором отделении свои стихи читал и сам Саша. Не помню уже, что это были за тексты, но с мероприятия я ушла, кажется, с чувством легкого разочарования.

В те поры – а год был 1995-й – на факультете проводили «Литературные бои». В преддверие очередного боя организаторы вывесили в коридоре ватман со стихами участников – и я не смогла оторваться от стихов Александра Асадчего! Каждую перемену я переписывала стихи в свой блокнот, потому что поняла: жить без них не смогу! «Мой маленький паровозик, везущий лошадку в вагоне...» Строки легко рисовали в голове зримые образы, интонации были певучими, нежными. Я влюбилась в это стихотворение. А «Литературные бои» на поверку оказались очень завораживающим действием, в которое были вовлечены и слушатели. В программе был конкурс: угадать автора текста по паре строк. И этот конкурс выиграла я (первокурсница!), а призом стала та самая газета со стихами, которую я уже переписала в блокнот.

Наконец наступил и тот день, когда я впервые пришла на студию. До этого у меня был опыт посещения занятий литобъединения для молодых авторов при Смоленском отделении Союза писателей. Студия выгодно отличалась от того, что было при Союзе. Здесь говорили на равных, аргументированно; атмосфера была позитивной и дружественной, чувствовалось, что участники между собою связаны не только литературой. (Для сравнения: на занятиях в литобъединении при Союзе молодой автор читал свой текст, мэтры слушали, покачивая головой, а потом заключали, что текст неважный, надо много работать и для примера читали свой текст – один, второй, третий.) На студии я по-

знакомилась с Наташей Дегтяревой, она взяла шефство надо мной, и мы дружили все студенческие годы.

Студия тогда еще не называлась «Персоной» – это название появится позже. Я помню презентацию первого альманаха – 21 марта 1996 года. На сцене в Доме учителя сидели все 10 авторов. По очереди они выходили к микрофону, читали свои тексты. В конце зрителям можно было задавать вопросы, высказывать мнение об авторах и альманахе в целом. Я помню, как на сцену вышел студент-историк (это был Алексей Соловьев, но тогда я еще не знала его имени). Он что-то сказал про поэтов в целом а потом начал читать свои стихи. На тот момент они показались мне ужасны (это ни в коем случае не оценка творчества Алексея). Я помню свое удивление, как он решился читать такое после великолепных текстов «Персоны». Я тогда ничего из своего прочитать не решилась. После выхода первого сборника мне было ясно: в «Персону» попадают только шедевры!

Несмотря на дружественную атмосферу и демократию, царившую на заседаниях студии, не всякий студиец считался «персоновцем». Право быть в «Персоне» надо было заслужить.

Помню, на последнем заседании студии перед летними каникулами 1996 года обсуждали, какие тексты войдут во второй альманах. Причем рассматривались только те авторы, кто был в первой «Персоне». К тому времени я уже успела написать «Дидону» (т. е. шедевр имелся), предложить свою кандидатуру самой мне казалось некорректным. Я надеялась, что это сделает Наташа Дегтярева, но Наташа молчала. Тем временем кипели жаркие споры относительно какого-то текста, наперебой звучали разные мнения, когда Саша Асадчий сказал: «А я предлагаю взять в «Персону» Наташу!» Это не имело непосредственно к теме спора никакого отношения (и в этом весь Саша). Все согласилось с моей кандидатурой. Я была счастлива.

Много лет спустя, где-то в начале 2011-го, в «Бумажном солдате» состоялись «Литературные бои» – Дмитрий Смагин и Александр Асадчий. Я тогда работала в редакции газеты, где рабочий день был практически ненормированным. Пропустить такое событие, как «Литературные бои», я не могла. Закончив текущие дела, не дожидаясь высочайшего соизволения шефа покинуть рабочее место, я практически «в самоволку» ушла на «Бои». Я много лет не видела Сашу, я хотела услышать его стихи, встретиться со старыми друзьями. Этот вечер был словно билет в студенческое прошлое. Уже не помню, кто тогда победил: Саша или Дима – ибо это формальность, это тот самый случай, когда побеждают все. Я точно помню, что отдала свой голос за Сашу. Мой телефон надрывался в режиме «вибро» – меня искал шеф. За так называемый самовольный уход с работы он лишил меня части зарплаты. Но я не жалею, что не поступила иначе. Жалею только, что когда зрителям предложили прочитать стихи Саши или Димы, не решилась прочитать трепетавшее в тот момент внутри меня Сашино «Не смотри на меня с фотографии». Я была так взволнована встречей с друзьями и погружением в поэзию, что пересохло во рту. Надеюсь, что у меня еще когда-нибудь будет шанс прочитать вслух перед аудиторией свои любимые стихи Александра Асадчего.

О «персональном» андеграунде

«Племянники Музы» как-то самозародились параллельно с «Персоной». Памятное выступление «Племянников» в Доме учителя, если не ошибаюсь, было совершенно самостоятельным и к «Персоне» отношения не имело. Более того, большинство этих «детей лейтенанта Шмидта» к тому времени до «Персоны» еще не дошли. Мы (персоновцы) обсуждали талантливые своей наглостью творческие выступления этих «Племянников». Складывалось впечатление, что литературная жизнь в Смоленске забурлила серьезно. Примерно в это же время, в конце 1980-х – в начале 1990-х, еще шумели акции клуба КЭПНОС, куда, в частности, входил Э. Кулёмин. Это был запоздавший смоленский андеграунд. Осколком этого андеграунда воспринимались и «Племянники». Хотя статус самой «Персоны» к тому времени был весьма неопределенным, все же ее существование при кафедре литературы придавало ей некоторую легитимность.

Не помню, у кого, возможно, у Саши Асадчего, который был еще из неопределившихся и, находясь под тяжелым впечатлением от «Молчания ягнят», шнырял то от «Персоны» к «Племянникам», то обратно, зародилась идея пригласить «Племянников» на заседание «Персоны». Но помню такую картинку: на кафедру, в 74-ю аудиторию старого корпуса университета, где мы собрались на заседание студии, с небольшим опозданием вошла группа молодых людей. Среди них точно были Эдик и Лера Кирсановы и Андрей Баркалов. Они не были литфаковцами, поэтому изучались особенно пристально (потом в анамнезе всплыли иняз и истфак). Почему-то я ожидала увидеть отвязных молодых людей, но передо мной оказались люди вполне интеллигентные и невероятно стильные (пальто в пол, белые кашне у одних и длинные шарфы свободных художников у других, круглые очки, как у Джона Леннона). Они не стали тянуть одеяло на себя во время обсуждения стихов или – другая крайность – отмалчиваться. Всё, что они говорили, было по делу, тонко и выдавало завидную начитанность. С первого явления «Племянников Музы» народу стало ясно, что они свои.

В дальнейшем, по-моему, «Племянники», просуществовали недолго, став персоновцами. Но был нюанс: как только формат произведений (когда маятник относил резко в сторону авангарда и эпатажа на грани фола) переставал соответствовать довольно строгим цензурным требованиям «Персоны», некоторые ее участники резко вспоминали о своем дальнем родстве по отношению к тетушке Музе. Это был персоновский андеграунд.

Центральным явлением в нем стал журнал «Ватерлоо». Но это уже другая история...

ЕЛЕНА АГИНСКАЯ

О «Персоне» и персонах

С 1996 по 2014 год напечатаны 7 альманахов «Персона». Все они, изданные тиражами 100–300 экземпляров, могут по праву считаться библиографической редкостью. У меня хранится «полный пакет» поэтических сборников (интересно, кто ещё счастливый

обладатель одного?), и самый любимый, конечно же, первый, несмотря на то, что в четвертом (2003) оказалось больше всего моих текстов.

Первая «Персона» с фотографиями десяти избранных авторов на обложке – хрупкая (страницы вероломно выпадают из конструкции, замешанной на клее, молодости и поэзии); с неподобающими красотами, как бы сказал В.С. Баевский; падчерница лихих девяностых, как думается мне. Против Твена не попрешь: «Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей».

В этом альманахе дорого всё: романтический лирический герой Димы Смагина, разговорный язык Саши Асадчего («Алту дай пис ми...»), почему-то скромно названные «НЕСТИХАМИ» стихи Андрея Романова. Вот мое любимое:

Вчера ты была какой-то другой –
Я думал, что я нахожусь в небесах.
Сегодня ты стала осенней травой,
А я стал заколкой в твоих волосах.

Вообще, из нашего первого альманаха цитировать хочется всё и всех. До сих пор помню наизусть стихотворение Эдика Кирсанова «Юань» («Цзунь-ли-Ямынь, мой Ян-Чен-Сиу-Сю...»). Помню, как бегали пресловутые мурашки по коже от строчки Наташи Дегтярёвой «МЪРИЛЬ МОРЕ ПО ЛЕДОУ князь в далекой глуши». И – словно обухом по голове – читаю у Леры Кирсановой: «Эти стены – вдовый омут, многолетний склеп».

Как-то на одном из выступлений я назвала себя участником «первой волны» ЛитО «Персона» (наш бессменный и бесценный руководитель Л.В. Павлова любовно именует нас «старичками»), по аналогии с волнами русской эмиграции. За четверть века существования «Персона» пережила не один всплеск – в ЛитО вливались свежие, талантливые, сильные авторы, что, конечно же, повлияло на продолжительность и качество жизни, как сейчас модно говорить. Один из них – Антон Азаренков – родился в год образования студии! Размышляя об этом, невольно примеряю на себя пушкинское «старик Державин нас заметил...» Но так и должно быть. Как говорил Вадим Соломонович Баевский: «Жизнь движется в правильном направлении».